

вызвана письмом-доносом князя П.В. Долгорукова президенту женевского кантонального правительства Ф. Камперо, в котором он сообщил, что бежавший от преследований царского правительства М.К. Эллидин “противозаконно содержит типографию и печатает брошюры”. Возмущенные доносом “молодые эмигранты” потребовали обличения Долгорукова в “Колоколе”.

До сих пор из документов, раскрывающих отношение редакции “Колокола” к этому возмутительному поступку Долгорукова, было опубликовано лишь заключительное письмо Герцена от 21 августа, из которого видно, что ему предшествовало еще одно письмо, остающееся неизвестным; ответ Долгорукова (также не сохранившийся) сильно огорчил Герцена, вызвав развернутую отповедь нападкам князя на “нигилистов”. “Я телом и душой не только принадлежу к нигилистам, но принадлежу к тем, которые вызвали их на свет”, – заявил Герцен. Порывая отношения с Долгоруковым, он, в частности, писал: “Я верил, что наш голос заслуживал иного внимания, в чистоте наших намерений вы не сомневаетесь” (XXVIII, 215). Слова “наш голос”, “наши намерения” относились, однако, не только к предыдущему письму Герцена.

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится черновой автограф письма Огарева к Долгорукову. Это его непосредственная реакция на сообщение “молодых эмигрантов” о поступке Долгорукова. Получив “записку” в отсутствие Герцена, находившегося тогда в Лозанне, Огарев счел нужным сразу же выразить Долгорукову от имени редакции “Колокола” решительное возмущение и призвать его к публичному покаянию.

Письмо публикуется впервые по автографу РГБ, ф. 69.8.238, л. 1.

(Женева. 14 или 15 августа 1866 г.)¹

Люб(езный) П(етр) В(ладимирович)!

Мы вынуждены писать к вам, как оно ни прискорбно на этот раз. Конечно, вы не станете искать в нашем письме никакого вражд(ебного) поступка, вы его не должны и предполагать; но тут дело чистой необх(одимости). Ваш поступок с Элпид(иным) никто не может оправдать – вы первые, и мы настолько верим в вашу великодушную искренность. Но поступок этот разнесся по городу – и мы получили письмо с 5-ю русск(ими) подписями с треб(ованием) обнародовать ваш поступок в “Колоколе”.

Что нам делать? В праве этого требования мы отказать не можем. Но мы вас убедительно просим – напишите нам письмо о том, что вы написали Камперо сгоряча и совершенно в этом поступке раскаиваетесь. Это снимет с нас одну из самых тяжелых обязанностей, какие только встречались нам в жизни.

Примите эти строки в истинном значении, за действительный голос дружбы².

¹ В ОРО письмо условно датировано 1865 г. (см. с. 158, № 308). Дата уточнена в ЛЖГ IV, 289–290.

² Ответ Долгорукова (неизвестный), очевидно, не удовлетворил вернувшегося из Лозанны Герцена, и он около 17 августа написал ему первое (процитированное выше) “пространное письмо”, в котором осуждал его “образ действий”. Конфликт с Долгоруковым продолжался до октября, когда его имя вновь появилось в “Колоколе”, в статье Герцена “Биография Муравьева-Вешателя” (см. XIX, 142–143). Об инциденте с Эллидиным см. в письме Долгорукова к его сыну, В.П. Долгорукову, от 16 ноября 1866 г.; Б.П. К о з ь м и н. П.В. Долгоруков и М.К. Эллидин. – “Красный архив”, 1929, т. III (34), с. 231–232.

Т.П. ПАССЕК

Публикация С.В. Капиноса

21/9 июля 1843 г. Огарев сообщал Герцену: “Теперь наступила для меня минута писать автобиографию, что ты мне давно велел писать, но тогда я не имел ни малейшей потребности. Теперь я вижу в этом необходимость”. И заключил следующим лаконичным, но емким определением: “Автобиография есть исповедь, расчет с собою за прошедшее” (РМ, 1890, № 4, с. 2).

В дальнейшем Огарев не раз принимался за воплощение этого замысла. В сущности, его “Кавказские воды” и “Моя исповедь” представляют собой отдельные эпизоды давно задуманного им труда.

В конце жизни Огарев снова принялся за автобиографическое сочинение – на этот раз

под влиянием “корчевской кухни” Герцена – Татьяны Петровны Пассек, настойчиво рекомендовавшей ему писать воспоминания о своей молодости, о дружбе с юным Герценом. Она открыла ему возможность сразу же вступить в непосредственный контакт с русской читающей публикой, так как собиралась включить написанные им автобиографические очерки в свои мемуары “Из дальних лет”, печатавшиеся тогда в петербургском журнале “Русская старина”. О том, что мемуары Пассек произвели на Огарева прекрасное впечатление, видно из его неизданной записки к ней, датированной *вторником 11 м(арта)* и относящейся к 1873 г.: “Нет, Таня, посылаю тебе обратно твои прелестные воспоминания, боюсь их затерять иначе. Ты привезешь и перешлешь, когда хочешь, побольше экземпляров. Братски обнимаю тебя. Твой А г а” (автограф. РНБ, ф. 124 (П.Л. Вакселя), ед. хр. 3129, л. 1).

В первой половине января 1873 г. Огарев известил Пассек, что пишет воспоминания под заглавием “Записки русского помещика”.

В переписке Огарева с сыном Герцена Александром Александровичем, публикующейся выше в настоящем разделе, он несколько раз упоминает о ходе своей работы над “Записками русского помещика”. Огарев надеялся, что это занятие даст ему возможность воскреснуть “если не духом, то мозгом”, и просил Александра Александровича выслать ему переписку своего отца с ним, Огаревым.

В других письмах к тому же адресату встречается ряд подробностей о работе Огарева над первыми двумя главами “Записок...”. В своем исследовании «Воспоминания Т.П. Пассек “Из дальних лет” как источник для изучения биографии Герцена и Огарева» А.Н. Дубовиков высказал предположение, что главы третья и четвертая написаны летом 1873 или в начале 1874 г. (“Лит. наследство”, т. 63, с. 597). Не исключено, однако, что главы эти были завершены значительно позже: 19 декабря 1876 г. Огарев сообщал А.А. Герцену: “Живу спокойно. Пишу воспоминания”. Но о последних ли двух главах “Записок русского помещика” идет здесь речь?

Письмо печатается по автографу РГАЛИ, ф. 2567 (Ю.Г. Оксмана), оп. 2. ед.хр. 380, л. 1–10б. Несколько строк опубликовано А.Н. Дубовиковым в “Лит. наследство”, т. 63, с. 589–590; ср. 641.

Женева, 26/14 января (1873 г.). Воскресенье
Rue du Conseil général, 20

Старый друг Таня, давно собираюсь вам отвечать на вашу превосходную присылку¹, да всё как-то сил не хватает, сильно простужен. И сегодня еще посылаю коротенькое письмо, озноб и головокружение мешают писать. “Русскую старину” получил и нашел в ней должные поправки в записках Толстого².

– Досадно, что у себя не могу отыскать ни бывшего и дум, ни старых писем и рукописей и не могу вспомнить, где я их оставил. Хотел писать об этом к Ната(ли) в Цюрих^{147*}, но теперь едва ли письмо ее там застанет, а вероятней, что она в скором времени ко мне заедет и я переговорю. Не худо написать и к Саше во Флоренцию.

Жду с нетерпением ваших записок к печати³.

А что ж это за характер – Семейский? Это что-то не дурно, а филохо. А в “Рус(ской) старине” мои воспоминания погодите печатать⁴.

Что-то забыл, послал я вам один из последних стихов, на всякой случай посылаю.

РАЗДУМЬЕ

Тихая могила
От начала века
Схоронила много
Жизней человека.

*

Сгнили все до кости,
Иль с водой умчались,
Кой-где, скаля зубы,
Остовы остались.

^{147*} Адрес Натали в Цюрихе: M-me Herzen, Kronberg, Höttingen.

не знаю, как наша работа там пойдет» (РГБ, ф. 69.8.330, л. 1). Огарев имеет здесь в виду публикацию "14 декабря 1825 года. Рассказ начальника артиллерии И.О. Сухозанета" (ПС, 1873, № 3, с. 361–370).

⁵ Стихотворение "Раздумье" опубликовано в кн.: *Огарев 1956*, с. 353–354.

⁶ Текст этой телеграммы неизвестен.

Г. МОНО

Публикация М. Мерв о^{148*}

Публикуемые ниже письма Огарева к мужу Ольги Герцен, известному французскому историку Габриелю *Моно* (1844–1912), тесно связаны с так называемым "сатинским долгом". Вопрос этот всесторонне рассмотрен в специальном сообщении А.Н. Дубовикова в т. 63 "Литературного наследства". Освещает его и ряд материалов, публикуемых в настоящем томе.

Как известно, собираясь в 1849 г. тайно покинуть Россию, Огарев полуфактивно и наскоро продал свое огромное пензенское имение Н.М. Сатину и Н.Ф. Павлову. Какая часть обусловленной суммы была ему тогда выплачена, не установлено, но Сатин вскоре оказался единственным должником Огарева. Ему предстояло выплатить своему другу, эмигрировавшему в 1856 г., 45 000 с лишним рублей серебром, и он обязался посылать ему в течение десяти лет не меньше, чем по 4 500 р., т.е. по 6000 фр. в год, пока с ним окончательно не расквитается (25 000 рублей серебром Огарев взял займы у Герцена еще до отъезда за границу, в 1846 г. – см. *РП IV*, 93–94). Но Сатин был картежником, любителем покутить и пожить на широкую ногу. Вдобавок, он, вероятно, лишен был практической жилки, вследствие чего вскоре столкнулся с финансовыми затруднениями. Деньги Огареву он высылал крайне нерегулярно и небольшими суммами, не покрывавшими даже процентов. Видя, что Огарев остался без средств к существованию, Герцен систематически авансировал его в счет "сатинского долга": в 1858 г. – 10 000 фр., в 1859–1868 гг. – по 8000 фр. в год и в 1869 г. – 6000 фр. В 1867 г. Огаревым были уступлены Герцену все права на "сатинский" капитал (см. об этом выше в письме Огарева к Герцену от середины июля 1860 г.; см. также *ААН*, 242–244).

После смерти Герцена Огарев оказался в полной финансовой зависимости от его детей, которые, в соответствии с волей отца, стали посылать ему по 500 фр. в месяц, т.е. те же 6 000 фр. в год (см. *XXIX*, 249 и "Лит. наследство", т. 63, с. 720).

В 1874 г. сын Герцена Александр, уже имевший к тому времени шесть человек детей, счел для себя обременительной выплату своей части субсидии. Из письма Г. Моно от 27 января Огарев узнал, что его "рента" уменьшается на 100 фр. в месяц, и почувствовал себя безгранично оскорбленным. Он тотчас же отозвался резким письмом, в котором нашли место даже угрозы. Получив затем ответ Моно, Огарев осознал, что живет не на собственные "пензенские" деньги, а на средства детей Герцена, но все же не мог воздержаться от протеста (см. п. 3-е). Нельзя не отметить при этом, что инициатором снижения посылаемой ему суммы Огарев справедливо считал свою бывшую жену Наталью Алексеевну.

Вскоре вопрос был улажен. Моно дослал удержанные деньги, и в следующие годы, вплоть до самой смерти, Огарев продолжал получать свою "ренту" полностью.

Что же касается огромного долга Сатина, то его наследники так и не расплатились с наследниками Герцена.

Письма печатаются по автографам *IISG*. Впервые опубликованы на языке оригинала в *LOANf*, 308–310 и 313–314 с ошибочными датировками: 1 мая 1875 г. (п. 2) и начало февраля 1874 г. (п. 3).

1

Черновое

(Женева. 31 января 1874 г.)¹

Monsieur,

J'ai l'honneur de vous répondre que j'ai reçu votre lettre du 27 janvier² et les 400 francs que je ne reçois pas par charité, mais parce qu'il m'est dû 500 fr. par mois, puisque j'ai abandonné en Russie une immense fortune. Vous n'avez pas le droit de m'envoyer plus ou moins. Je puis avoir élevé un enfant que j'estimais³, je puis avoir dix autres ou des dettes, que cela ne

^{148*} Статью и комментарии Мерво, а также письма Огарева перевел с французского Л.Р. Ланский.